

The background of the entire page is an abstract geometric pattern. It consists of numerous thin, black, straight lines that intersect to form a complex web of irregular shapes. Within this web, several triangles are filled with color: some are a light red or pink, and others are a light teal or green. The overall effect is that of a fragmented, crystalline structure.

ЮЛИЯ ИВАНЧИКОВА

**НИКУДЫНИЯ
БУМАЖНОГО
САМОЛЁТИКА**

Юлия Иванчикова
Никудыния бумажного
самолётика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570107
ISBN 9785449335722*

Аннотация

Эта книга – собрание маленьких бумажных самолётиков, отправленных в большую Никудынию. Эта история – о чувстве, которое стучится в дверь, и не всегда в нужное время.

Содержание

останься	5
полночь	7
обидно	10
как ты	12
дверь	14
время	15
а знаешь, больно людям доверять	17
похороненная вечность	19
заглядывать тебе в душу	21
чувство жизни	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Никудыния бумажного самолётика

Юлия Иванчикова

© Юлия Иванчикова, 2018

ISBN 978-5-4493-3572-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
здравствуй, странник. мне приятно, что моя книга оказалась в твоих руках. и за это сегодня я тебе поведаю историю. историю маленьких бумажных самолётиков, отправленных в далёкую Никудынию. это история про чувство, которое стучится в дверь. и не всегда в нужное время.

О С Т А Н Ь С Я

Останься, я прошу тебя, останься.
На слово-два, на половину вдоха,
когда не хорошо или не плохо,
не поселяй во мне боязнь дистанций.
Не говори, если не хочешь шума,
не улыбайся, если боль внутри,
закрой глаза, а хочешь – в них смотри.
Просто останься рядом, без раздумий.

Останься, я прошу тебя, останься.
Минута, три, до без тринадцать двух,
не говоря об истине мне вслух,
не замечая ямочек и граций...
Прошу тебя, останься на минуту,
когда за окнами взрываются ракеты,
когда на поезда уйдут билеты,
останься рядом на одно «побудем».

Не говори, если не хочешь шума,
взрывавай молчаньем душу изнутри.
Закрой глаза, а хочешь – в них смотри,
цепляй глубин моих душевных струны...

Не погружай меня в отрывки станций.

Когда Вселенная утратит свою суть,

единственное важное – «побудь», —
останься, я прошу тебя, останься...

П О Л Н О Ч Ь

Мне кажется, полночь коснулась плеча,
укрыв меня, словно пледом, кошмарами.

Я научилась от этого

не кричать,

когда под рёбрами сердце вздыхает поспешно
ударами.

Вечерние стены стали холстом,

рисует историю музыка сонная...

На старом столе недочитанный третий том,
закинута в урну души суета телефонная.

На звонкой струне поселилась душа,
дрожащая нитка, несчастная линия...

а я смотрю на тебя сквозь туман, не дыша,

и голос срываю на этом пустом «забери меня».

Прячет слезу на уставшей щеке

растаявший ветер, прощаньем подобранный.

Вот, вся моя исповедь, в твоей, не моей руке,

ты просто прочти, и сожги за пустыми,
случайными ссорами.

Ты можешь всё это совсем забыть,

продать через годы, пробив мою душу стрелами.

Я не прошу тебя даже рядом быть,

я не прошу доверия.

Мне кажется, небо повисло мольбой,
и пеплом отравным садится мне на ладони.
Я просто живу. Я просто живу тобой.
Смотря сквозь холодный туман
(с радостью или с болью).

Хрустальные звёзды всё так же мертвы,
свинцовые струны будто лезвием по спине.
Я взглядом пронзаю туман: ведь это же ты,
но самое страшное —
не докричаться
мне.

Украдено птицами радугу тьмы,
и может я этим безумно грешу, —
я ничего от тебя не прошу,
ты только меня пойми...
«Где же ты? Где ты?» – бросаю немой пустоте.
В небе мерцают ноябрьские кометы.
Вижу я ангелов, но знаешь, они – не те...
ты – что-то большее, только вот знать бы, где ты.
Птицы запястья заменят морской глубиной,
улицы сменяют названия, исчезая из памяти...
Быть во всего двух шагах
и знать, что твой кто-то – не твой, —
это как быть подстреленным
намертво.

Мне кажется, скоро полночь меня убьёт...
как глубина этих птиц, что поддались воображению.
Знаешь, да ну эти крылья, сдался мне этот полёт,

легче узнать падение.

Сквозь одинокий туман точно вижу – ты,
пепел, севший на душу мне зимними искрами.
Призрак мой, смысл мой, ангел моей пустоты,
тот, кому я посвящаю холодную
исповедь.

Тот, кому высказать душу – не хватит сил.
Кажется, ночь онемела от страха или полнолуния...
Видимо, ты никогда меня не любил,
видимо я – только птица под маской безумия.
Грозами в сердце, разбив меня на осколки,
счастлив будь там, на другой стороне, не со мной.
Может быть, не любил ты меня нисколько,
но счастья тебе, мой самый родной чужой.

Ты береги себя, рядом – моя душа —
без крыльев, строк, без судьбы и имени.
Я смотрю тебе в спину, почти не дыша,
и голос срываю в молитве,
прости меня...

0:16

15.11.2013

О Б И Д Н О

Обидно, чёрт возьми. До ужаса, до крика.
И ничего уже не можно изменить.
Не возратить «вчера», его же – не забыть...
Не выбросить, не смять, ненужной мне открыткой.

Обидно. Ну и что? Тебе не интересно.
Не важно, что со мной творится со вчера.
Что я дышу туманом, больна ещё сутра.
И то, что я давно не сочиняла песни.

Обидно, чёрт возьми. До холода, до дрожи,
До немоты души, но это всё пустяк.
А ведь всё начиналось-то далеко не так.
И души наши были, как близнецы, похожи...

Обидно. Что не так? Скажи, зловещий голос?
Скажи, ведь ничего уже не изменить...
И заново, ошибки исправив, не прожить...
Не насладиться мне вчерашней волей...

Обидно, чёрт возьми. До ужаса, до крика.
Но я молчу. Не плачу. Не кричу.
Твоей улыбки в сотнях не ищу,
Ведь никому не быть с *твоей* улыбкой.

И не смотрю в глаза. Так больно в них смотреть.
Пусть лучше я уйду в свою пустыню.
Остановлюсь и отдышусь. Остыну,
С большим желаньем побыстрее сгореть.

Обидно, чёрт возьми. До ужаса, до крика.
Но я уже, увы, не прокричу.
Уйду. Смирюсь. Остыну и прошу,
Но пред глазами сохраню твою улыбку.

К а к . Т ы

Если б ты только знал,
как мне важен твой взгляд
и, возможно, холодное
«как ты?»

Мой любимый, случайно
включённый канал,
и забытые, давние
факты...

Если б ты только знал,
чего стоит скучать,
и молчать, вспоминая
сюжеты
старых фильмов,
которых, увы, не узнать
в пересмотрах сто тридцать
раз летом...

Если б ты только знал,
как пустеет в душе
лишь от мыслей, навеянных,
лживых...

Оставляя на память
самый сладкий сюжет,
Я на чуточку стану
счастливей...

Если б ты только знал,
сколько важен твой взгляд,
и простое банальное
«как ты?»...

Может даже не слышал,
может, даже не рад.

Я, возможно, не «в норме»,
или хуже, чем «как-то»...

Если б ты только знал,
как сейчас мне внутри,
что взрывается, жизнь
подбивая...

Трудно, страшно, ужасно.

Мне так жутко, смотри.

Я живу, но тобой
страдаю.

Д. в е р ь

Стучаться в холодную, закрытую намертво дверь.
Во сне, или может от воспоминаний срываться
с лестницы,
Сердце рисуя рубцами от пережитых потерь.
И осуждать себя, хуже чем почерневшая изнутри
грешница.

Смотреть через стёкла, изгибы закрытых недавно штор.
И рушить своё сознание. Это факт, не ошибка корпусом.
Сжимать ладони. И не подслушивать их разговор.
На сотую мига внутри породниться с холодным полюсом,
осуждать себя. Безвозвратный полёт. Пустой коридор.

в р е м я

Кто и зачем придумал время?
Чтобы спешило, убегало?
Чтоб каждый, что-то удаляя,
с душой своею вёл сраженья?

Кто и зачем придумал время?
Чтобы губить, себя же ранить
и на ненужное растратить
его не там, не так, не с теми?

Чтобы срываться среди ночи,
и ждать кого-то в сотый раз,
ломая голову у точек,
искать ответы среди фраз?

Кто и зачем придумал время?
Чтобы губить его в вине
и в непробудном жизни сне
всё ждать устало перемены?

Чтоб утопить в пустом мучении,
банально весь свой путь пробить.
Болезнь всегда «нехваткой времени»,
ведь даже некогда любить.

Кто и зачем придумал время?

Чтобы держать и доверять.

Несвоевременно терять.

И быть не там, не так, не с теми.

а знаешь, больно людям доверять

А знаешь, больно – людям доверять.
Проверенным, или чужим прохожим,
любимым и чужим, чтобы опять
терять и падать, обжигаясь... Сколько можно?

А знаешь, больно – людям доверять.
Плевать хотели все, тебе же в душу!
Не слушать, не понять, а именно плевать,
робкие струны вывернуть наружу,

Охрипший голос током обжигая,
И одарять доверие обманом.
А ты, наивно доверять им продолжая,
зализывай за всеми свои раны.

Как жить? С душой на каменном замке?
Не подпуская ни любимых, ни прохожих?
Не доверять, не быть обманутым никем,
хоть понимаешь, – это невозможно...

Как это больно – людям доверять,
Когда они тебе в сознание – тонны гнили.
А ты пытаешься им чувства доказать,
хотя лет сто, как все тебя забыли.

Спешу всем снова душу открывать:
проверенным или чужим прохожим.
Это ошибка – людям доверять,
терять и падать обжигаясь... Сколько можно?

п о х о р о н е н н а я в е ч н о с т ь

Похороненная вечность. Промораживает суставы.
До тошноты заслушанные песни.
Разговор про безгрешность на «никогда» оставим,
для лжи в сердцах уже ни капли места.
Обвинённые в искреннем, обманутые любящие.
А ведь мы виноваты сами. Во всём.
Сами топчем прожитое, разбиваем будущее,
Страдаем тоже сами... Только потом.
Попытки убить любовь, бесчувственность масок...
Сколько можно то строить, то рушить?
С каждым днём всё меньше жизнерадостных красок.
Именно так умирают забытые души...
И места меньше. На двоих, на пятерых, на сотню...
Куда там! Одному здесь места мало...
И не известно что там ждёт, за третьим поворотом.
(Да знал бы кто-нибудь, как всё это достало).
Но не пытайся закричать, ведь все равно не слышно...
Здесь тысячи о чём-нибудь кричат.
И некому помочь, спасти, утешить...
Добьют, толкнут и бросят... прямо в ад.
И страшно понимать. Незаменимым есть (за-/из-) мена.
Да и каждый сам себе давным-давно чужой...
И среди врагов, твоей же ждущих смерти, – даже стены.
А из людей – так каждый первый, даже не второй.

Похороненная вечность. Недостаточно места.
На двоих, на пятерых, на сотню...
Полумрак. До тошноты заслушанные песни.
И сами себя убивающие. Вот мы.

заглядывать тебе в душу

я ведь не спрашиваю тебя о наличии воздуха,
только потому, что боюсь заглядывать тебе в душу.
каждой ночью все невыплаканные слёзы
я прячу в объятиях горячего чая, пледа и простыни...
признаться, не знаю, свойственно ли это мне,
или не свойственно.
и голос, живущий далеко внутри меня, по стенах
рисующий
тёмной, насыщенной тушью,
каждый раз поселяет ком в моём горле. и душит.

с каждым лунным затмением меня всё больше убивает,
оставляя во мне всё меньше и меньше терпения.
но во всех своих ссадинах, и на запястьях вечных
гематомах
виновата несомненно я, ловящая себя на мысли
«мне его не хватает».
я дочитала, ровно через две главы главного героя
расстреляют.
а на страницах, несущих, казалось бы, сущие пустяки
в строках
сыграет в а-банк авторское воображение.
но в аналогичной реальности у меня не остаётся
сомнений.

я не спрашиваю, не температуришь ли ты,
только потому, что уверена – есть кому позаботиться.
я всё ещё надеюсь, что ты услышишь моё молчание,
и взглянешь на полуночное небо, полное разнообразной
суеты,
и бесконечной неизлечимой пустоты...
именно величиной в эту неизлечимую бесконечность
о невыносимом желании в беспамятство броситься
эхо моего «внутреннего» постоянно доносится.

я питаюсь выдуманной сказкой последней осени,
и на неё же у меня непременно появится аллергия.
меня, честно говоря, совсем не интересуют твои
увлечения,
пассии, очередные тридцатые, или сто девяностые,
ваше совместное деление неразделимой простыни...
и я долю в чашку ещё кипятка, он и плед – мои
постоянные спасатели, и, знаешь, совсем уже
не важны мне
другие.
все они убийственны и пустые.

я не спрашиваю тебя о наличии воздуха,
только потому, что боюсь заглядывать тебе в душу.
боюсь расплакаться, броситься под расстрел
встречных дождей, или воспламениться ещё какой-
нибудь
неадекватностью, собственно...

если тебя увижу, боюсь в объятия броситься...
и сама не знаю, как я себя чувствую, может быть, мне уже
стало
хуже...
и голос, живущий далеко внутри меня, по стенах
рисующий
тёмной, насыщенной тушью,
каждый раз поселяет ком в моём горле. и душит.
и душит.
07.07.2013

Ч У В С Т В О Ж И З Н И

Просыпаться без чувства жизни... да шут его побери.
Согреваться прокуренным болью пледом,
сделать кофе, несносно горький, простоять у пустой
двери,
и убить в себе имя, /не забыть подчеркнуть, что это тоже
победа/.

Чашка, кофе, печенье, сплетение... Как ни странно, –
до тошноты.
открыть форточку, увлечься прохладной пустыней...
и забросить себя в эту пустыню... ведь признайся,
это же ты,
так и не добиваешься неба, со своими страстью, ложью
и непобедимой гордыней.
Жить буднями. Жить обыденно. Жить, если даже жить.
Хвататься за что только можно в поисках какбысебя.
Всю дорогу кого-то тянуть и беречь в себе, так горячо
любить.
Как никого и никто не берёт, любя.
Просыпаться, горький кофе, двери, и чьи-то чужие
лица...
неприменно в сотый раз опаздывать,
обернуться, закричать кому-то «мне ведь это снится?»
– Снится? А мы сами, знаешь, рады бы...
Пролетать сквозь переулки на ужасной скорости,

задышаться, добегать, быть незамеченным...
каждый день читать одни и те же повести,
и стремиться стать непобедимыми и вечными.
Ведь признайся, это же ты./Зарисовками не победить,
не выразить,
не добиться стадии «успех». /

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.